

202-94
3013-1

АКАДЕМИЯ НАУК С.С.С.Р.

ИЗВЕСТИЯ
КАВКАЗСКОГО
ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО
ИНСТИТУТА
в Тифлисе

Том III

Гуркин

ACADÉMIE DES SCIENCES DE U. S. S. R.

BULLETIN
DE L'INSTITUT CAUCASIEN
D'HISTOIRE ET D'ARCHEOLOGIE

À TIFLIS

Tome III

ТИФЛИС 1925 TIFLIS

Азербайджанские курды*.

(Этнографические заметки).

Летом 1924 г. Закавказской Научной Ассоциацией при ЗакЦИК'е была организована научная экспедиция для обследования Нагорного Карабаха, Курдистанского уезда и Зангезура. Мне было поручено руководство экспедицией и собирание сведений по этнографии армян Зангезура. При объезде Курдистанского уезда я собрал также некоторые материалы по этнографии курдов. Так как курды Азербайджанского Курдистана оставались до сих пор совершенно неизученными, я позволяю себе думать, что собранные мною сведения могут представить некоторый интерес.

В виду ограниченности предоставленного для статьи места, я останавливаюсь лишь на некоторых сторонах быта и обычаев курдов, откладывая опубликование остальных материалов до другого случая. Те же тесные рамки статьи заставляют меня воздержаться от сопоставлений обычаев и воззрений курдов с аналогичными явлениями из быта других народов.

Большую часть собранных мною этнографических сведений я обязан инструктору школ Курдистанского уезда Самеду Шахсуварову, с большою готовностью принявшему горячее участие в моей работе. Приношу ему здесь искреннюю благодарность. Шахсуваров — курд, уроженец сел. Минкенц, где, главным образом, и производились мои наблюдения и записи.

Общий очерк.

Курдистанский уезд, как особая административная единица, образован в 1923 г. из населенных преимущественно курдами частей бывш. Шумянского, Джеванширского и Кубатлинского уездов Азер-

* Из доклада, читанного на Собрании ученых членов КИАИ 9/XII, 1924.

байджана. Территория Курдистанского уезда—3.105 кв. верст; население—44 тыс. душ об. п., из них свыше 35 тыс., или 80,7% составляют курды и 19,3% азербайджанские турки. Время водворения курдов в районе нынешнего Курдистанского уезда в точности неизвестно. Предполагают, что во время турецко-персидской войны 1589 г. курды находились в числе турецких войск и, как победители, остались на занимаемых ныне местах. Затем, когда эти места снова перешли под власть персов, здешние курды подпали под влияние персидской культуры. Это влияние сказывается, между прочим, в том, что все здешние курды—шииты, тогда как курды Армении—сунниты или езиды.

Живя в течение нескольких столетий среди тюркского населения, курды нынешнего Курдистанского уезда успели в значительной степени утратить родной язык (наречие курманджи) и усвоить тюркский. В настоящее время только около половины курдов уезда знает курдский язык (наречие курманджи); остальные говорят исключительно на тюркском языке (азербайджанское наречие).

Влияние окружающей тюркской среды, а равно и условий хозяйственного быта заметно отразилось также на различных сторонах материального и духовного быта курдов.

Главное занятие курдов Курдистанского уезда—земледелие. В глазах здешнего курда земледелие—самое святое дело. Только в третьем (северном) участке уезда, где имеется достаточная площадь летних пастбищ, преобладающим занятием части населения остается скотоводство. Земледелием курды занимаются уже давно; перейти к земледелию вынудил их недостаток пастбищ. В связи с земледелием курдам пришлось оставить кочевой образ жизни и перейти местами к полуседлому, а местами к оседлому быту. Вследствие недостатка удобных для пахоты земель во втором и третьем участках Курдистана собственного хлеба в большинстве районов хватает не больше, как на 3—4 месяца, и три четверти населения вынуждены уходить на зиму в низменные районы Агдамского уезда и Карабаха и оставаться там до весны в качестве батраков у местных хозяев, или же на отхожие промысла.

Техника земледелия примитивная. Пашут деревянной сохой (джют); сеют рукою из полы платья; после посева производят заделку почвы волокушей (мяла), состоящей из прутьев, прикрепленных к поперечной доске; молотят общепринятой во многих местностях Кавказа мо-

лотильной деревянной доской (вель) со вбитыми с нижней стороны осколками камней. Зерно хранят в земляных ямах (кую) или деревянных закромах.

В связи со скотоводством, в довоенное время было более или менее развито кустарное производство ковров, паласов, хурджинов и пр. Во время мировой войны и революции ковровое производство в Курдистане прекратилось вследствие отсутствия красок и прекращения сбыта изделий.

Одним из любимых занятий курдов является пчеловодство, для которого здесь имеются самые благоприятные условия. Небольшие пасеки встречаются во всех селениях, у многих хозяев, но дело ведется крайне примитивно: улья — дуплянки, выдолбленные из обрубков дерева, или спитые лыком изъ древесной коры. Эти дуплянки складываются где-нибудь под навесом, — таков типичный образчик курдской пасеки.

Торговлей курды не занимаются и считают ее делом предосудительным.

Жилища курдов в наиболее культурных селениях (напр., Минкенд) — каменные дома, обычно же полуземлянки или землянки, с плоскими, засыпанными землей крышами. Часть населения живет в пещерах, выдолбленных в осадочных породах (песчаник). Посреди дома, на земле — очаг, а над ним в крыше дыра для выхода дыма. В задней части дома нередко помещаются телята. Стены дома внутри закопчены дымом. Внутренняя обстановка жилищ бедна и убога. Мебель отсутствует. Спят на полу, на грязной постели. Посуда и утварь: деревянные кадки, чашки, кожаные мешки, каменная ступка для чеснока, перца и пр.

Пища преимущественно молочная: молоко, мацони, сыр, отчасти масло. Мясо — редкое лакомство. Хлеб — ячменные лепешки или пшеничный лаваш. Но так как хлеба обыкновенно не хватает, его заменяют различными травами: шавелем, который сушится на зиму большими связками, а затем варится в пищу, крапивой, вол-оту („дорожная трава“) и т. п.

Родового устройства, аширетов среди курдов Азербайджана не существует. Сохранились лишь пережитки родового строя, в виде кровной мести, взаимопомощи, гостеприимства и пр. К родственной и соседской взаимопомощи прибегают при исполнении различных хозяйственных работ и в тех случаях жизни, когда силы и средства

одного домохозяйина были бы недостаточны, как, напр., свадьба, поминки, стихийные бедствия.

При нужде малосостоятельные хозяева составляют „сборный плуг“ (ходах — „собрание“, „соединение“). Пять-шесть хозяев объединяются вместе: один дает быка и погонщика, другой плуг, или часть его и т. д. За быка пашут его хозяину 2 дня, за человека 1 день, за плуг — 8 дней и т. д.

В порядке взаимной помощи производится также уборка сена (обычай „гав“, — собирается много народа), стрижка овец, постройка дома, саманника и пр.

Гостеприимство в большой силе и теперь. Гостя считают „божьим гостем“. Если семья не имеет чем угостить его, соседи охотно доставляют все необходимое для этого.

Родильные обычаи.

Рождение ребенка сопровождается у курдов, как и у других народов, магическими обрядами и суеверными обычаями. Роды происходят в доме, на постланной на земляном полу соломе. Муж на время родов удаляется из дома и возвращается обыкновенно через день — два. Помогают при родах опытные в этом деле женщины, получающие за труд вознаграждение продуктами. Перед родами обращаются к мулле, и он пишет талисман „дуа“ для благополучия родов. После родов мулла пишет другое „дуа“ для счастья и благополучия родильницы и ребенка. За такие труды мулле дают скотину — корову, быка.

При трудных родах дерут роженицу за уши, громко кричат ей в ухо, называя по имени, призывая очнуться, говоря, что приехал брат, гость и т. п. Если роженица падает в обморок, стреляют из ружья, чтобы привести ее в сознание; иногда идут на речку и кинжалом „режут“ воду (магический прием разрезывания того, что связывает роженицу). По народному поверью, на роженицу нападает особое существо хал-анасы. Она имеет вид высокой, худой, страшной женщины, с перекинутыми через плечи огромными грудями; хал-анасы вырывает у роженицы сердце и легкие, несет к речке и моет в воде. Если она успеет это сделать, женщина умрет. Чтобы прогнать хал-анасы, стреляют около роженицы из ружей. Проводя кинжалом по воде речки, имеют в виду, между прочим, освободить сердце и легкие женщины, если хал-анасы вздумает их мыть в речке.

Если дети в доме мрут, обращаются к помощи муллы. Тот объясняет, что ребенок умер оттого, что в дом приходила женщина, имеющая вредное „дуа“; но если ему дадут корову или овцу, смотря по состоянию, он напишет такое „дуа“, которое уничтожит смертоносную силу самых вредных „дуа“, и дети не будут умирать. Для ограждения новорожденного от действия вредных „дуа“, некоторым женщинам, у которых подозревается такое „дуа“, не позволяют входить не только в дом, но и во двор, где имеется новорожденный. Если ребенок чего-либо испугается, берут горящий уголь, бросают в воду, и эту воду дают пить ребенку.

Имя ребенку дают женщины. К родильнице собираются женщины и общим советом выбирают имя. В этом сказываются отголоски былого матриархата. Муллы, захватывающие в свои руки все, из чего можно извлечь выгоду, присваивают себе и право выбора имени ребенка. Мулла роется в своей магической книге, из которой выписывает „дуа“ (книга „Дуа китаба“, или „Джамейдавад“) и заявляет, что если ребенка назовут не таким-то именем, он непременно умрет. И запуганные родители спешат исполнить требование муллы, получающего за мулрый совет приличную мзду.

Обрезание совершается, когда родители ребенка соберутся со средствами, чтобы устроить хороший обед. Кума („кирва“, „крово“) выбирают по-возможности из богатой сильной фамилии. Приглашает отец ребенка. Отказаться от приглашения — значит нанести обиду и опозорить себя. Кум доставляет 2—3 барана, да столько же режет отец ребенка, и устраивается обед, на который собираются по одному человеку из каждого двора в селении. После обеда гости расходятся, остаются лишь близкие родственники отца ребенка и кума — „кирвы“. В их присутствии и выполняется обрезание. Обрезание совершает обыкновенно цирюльник с помощью бритвы и расщепленной камышницы. Через 3—4 дня кум приходит навестить ребенка и принесит с собой котел плова, большой цельный хлеб (фунтов в 10), молоко, мед, яйца, масло. При возвращении куму котла в него кладут материю на чоху или архалук, ковер, или посылают вместе с ним корову, быка. „Пустой“ котел во всяком случае не возвращается; это было бы большим позором.

Детей кормят грудью до 2—3 лет. Отношение к мальчикам заботливое, даже нежное. К девочкам отношение хуже. Если женщина родит одних девочек, на нее смотрят с сожалением, домашние бранят.

Для ограждения детей от „дурного глаза“, злых духов и прочих напастей надежным средством считаются равного рода талисманы. Под колыбель ребенка, в качестве такого талисмана, кладут хлеб. Когда кто-нибудь выносит или выводит ребенка ночью на двор, для ограждения от бродящих во тьме злых духов, ребенку дают в руку или кладут на грудь опять-таки хлеб, которого черти, как видно, боятся. Один годовалый мальчик в сел. Молла-Ахмедлу был весь увешан талисманами: на плече висели—защитая в черную тряпочку в форме четырехугольника молитва „дуа“, раковина, буса, металлическая бляха, на спине—треугольное „дуа“ и несколько бус, нанизанных на цветные шерстяные нитки. У другого ребенка, восседавшего на спине девочки, на обоих плечах болтались маленькие кисточки из разноцветных шерстяных нитей (красных и желтых), причем на кисточке левого плеча было нацеплено несколько бус, привесок, побрякушек.

Свадебные обычаи.

В брак, до установления советской власти, вступали мужчины не моложе 15 лет, девушки с 9—10 лет. Предпочтительно берут жен из своей фамилии (эндогамия). Женящихся на девушках из другой фамилии упрекают: „Зачем не взял свою двоюродную сестру, а взял чужую. Лучше взять и кормить свою, чем чужую!“ В прежнее время иногда обручали детей, даже в люльке. В знак обручения девочке повязывали на голову платок, привязывали также монеты. После этого, до наступления брачного возраста, жених ежегодно, в день байрама (9 марта), доставлял невесте барана, материю на платье и др. подарки.

При заключении брака отцу невесты уплачивается калым, или выкуп „баштых“ (курмандж.), или „башлых“ (тюркск.), состоящий из 30—50 руб. деньгами, коровы, 3—4 овец и т. п. Отец невесты, с своей стороны, снабжает дочь необходимыми в хозяйстве вещами, в качестве приданого („джигиз“); обыкновенно дается: ковер, постель (подушка, матрац, одеяло), мафраш, килим (ковровое изделие), медный кувшин для воды, медный котел, поднос и проч. Кроме того, отец дарит дочери лошадь или корову.

Так как свадьба требует от родителей жениха больших расходов, на помощь им приходят родственники, дающие кто барана, кто зерно для хлеба или другие продукты, кто деньги. Кроме того, существует обычай заключать „кардашлых“ — братство, назначение которого помогать при женитьбе. Делается это так: жених и какой-либо молодой

человек уговариваются вступить в братский союз „кардашлых“. Но так как молодые люди ничего не предпринимают без согласия старших, то отец жениха отправляется к *дяде* молодого человека (или к отцу, или к матери, если нет отца), прося разрешить племяннику вступить в „кардашлых“ с его сыном. Обращение за разрешением к дяде представляет отголосок матриархата. Вступивший в союз „кардашлых“ обязан доставить все продукты для пирушки в доме невесты (корова, бараны и проч.). Тот же „кардаш“ после свадьбы отправляется со своей семьей к жениху с разными продуктами и подарками. Там их угощают и, отпуская, жених одаривает. Жених, в качестве „брата“, обязан взять на себя соответствующие заботы и расходы, когда будет жениться его „кардаш“.

В первую брачную ночь „кардаш“ караулит у дверей новобрачных. Если бы невеста оказалась нецеломудренной, тотчас же зовут ее отца и предлагают немедленно взять свою дочь обратно. В благоприятном же случае показывают кровь матери жениха и невесты.

Для взятия невесты в дом жениха за нею отправляется свита жениха. При их появлении двери дома невесты запираются и, чтобы их открыли, „кардаш“ должен дать выкуп подругам невесты. Начинается одевание невесты. Одевающая невесту женщина отказывается одевать, требуя, чтобы „кардаш“ заплатил ей за труд. Платит. Затем, когда невесту везут верхом из дома ее родителей в дом жениха, молодежь задерживает поезд, протягивая через дорогу веревку и требуя выкупа. „Кардаш“ дает им небольшую сумму, и поезд пропускается. Поезд двигается, имея впереди музыкантов-зурначей. Лицо невесты закрыто красным платком, — по объяснению курдов, для того, чтобы предстоящие ей дни семейной жизни были красные.

У дома жениха невеста не сходит с лошади, пока отец жениха не подарит ей чего-нибудь. Отец дарит корову или кобылицу (быка или коня дарить нельзя). Невеста сходит у порога дома. Одна из женщин жениховой родни разбрасывает несколько лавашей (хлебов) от ног невесты до порога. Невеста идет в дом, кланяясь и подбирая лавашу. Переходя через порог, невеста обязательно целует его. В доме женщины берут невесту за руку, обводят 1—3 раза вокруг очага и говорят: „Мы взяли тебя сюда, и ты должна до последней минуты служить этому дому!“

После хождения вокруг очага невесту отводят в приготовленное для нее место в углу комнаты, отделенное красной материей. Окру-

женная девушками, как из своей родни, так и из родни жениха, невеста сидит тут на ковре, на подушке, в течение всех свадебных торжеств, дня 2—3, не показываясь никому, кроме домашних мужа, за исключением свекра, которому невеста показывается только после получения от него подарка (баран, овца, серебряные вещи).

Вывод невесты из-за полога сопровождается известными обрядами. Отец жениха приглашает родственников своих и со стороны невесты. Устраивается обед. За обедом отец жениха или его родственник заявляет, что надо „вывести невесту“, а для этого нужно сделать ей подарки. Присутствующие дают, кто что может. Одна из женщин относит невесте собранные подарки и, подняв полог, выводит невесту к гостям. Невеста обходит присутствующих и всем целует руки (иногда в это время и одаривают ее, давая 20 коп.—1 р.—3 руб., по состоянию). С этого времени невеста может свободно ходить, но лицо ее остается закрытым красным покрывалом.

Примерно через неделю после показывания невесты отец невесты приглашает ее с ее подругами, а также жениха с его родственниками к себе в дом и устраивает небольшой пир (человек на 20). Невеста остается затем у отца дня 2—3 и при возвращении в дом мужа получает от отца подарки. Этот обряд называется „аяг ашма“—„открытие дороги“ (в дом ее отца).

После этого невесту приглашают в гости и другие ее родственники; при этом устраивают маленький пир и одевают невесту подарками, чтобы она свободно могла ходить к ним в дом; если же этого не сделать, к этим родственникам невеста ни за что не пойдет.

Положение молодой невестки в доме мужа нельзя считать тяжелым. Напротив, первое время по отношению к ней проявляется особая заботливость; ее хорошо кормят, чтобы полнела и не скучала о родительском доме. Особою заботливостью и вниманием молодая невестка пользуется до первых родов; все это время она считается как бы гостьей; после же первых родов она окончательно входит в состав семьи и становится в положение, одинаковое с другими невестками. На обязанности младшей невестки, между прочим, лежит мыть ноги всем старшим в доме и гостям; это омовение ног делается в некоторых семьях ежедневно, в других—через день, два.

Как и у других народов, жена у курдов не называет по имени мужа и старших членов семьи. Обращаясь к мужу, она говорит: Э! или йдә—„ты“. Мать мужа она называет „халә“, т. е. „тетя“, отца

мужа — „мамò“, т. е. „дядя“; старшего брата мужа называет „бра-том“ („бра“); младших называет по имени. С своей стороны муж тоже не называет жену по имени, и обращается к ней: Э! Агиз! („девчонка“) и т. п.

Семейные отношения.

Семейной общины у курдов не существует; обычное явление — индивидуальная семья, состоящая из родителей и детей. В современной курдской семье царят патриархальные отношения. Отец — глава семьи, которому и жена и дети, вообще все члены семьи подчиняются беспрекословно. Старики пользуются уважением и почтительным отношением младших. На старика курды смотрят, как на основателя семейного благополучия, положившего своими трудами начало семейному благосостоянию и поставившего семью на правильный путь. Старику отводится лучшее место, ему предоставляется лучшая пища и пр. Внешним образом уважение к старикам выражается в том, что при входе старшего младшие встают; в собрании, за столом и пр. старику предоставляется первое место и т. п. И только гость считается выше всех, так как он „божий гость“; перед гостем встают и старики.

Женщина занимает у курдов более свободное положение, чем у соседей их тюрок: она не закрывается от мужчин чадрой, принимает участие в общих беседах и пр. Но все-таки она даже в хозяйственной области находится в зависимости от главы дома — мужчины, и, без его согласия, не может ни продать чего-либо, ни купить нужного для дома. Собственность ее составляет лишь то приданое, которое она получила от отца и данные им подарки.

Несмотря, однако, на патриархальный строй современной курдской семьи, в некоторых обычаях до сих пор сохраняются ясные отголоски некогда существовавшего у курдов материнского права. Так, имя ребенку дает мать, вместе с другими женщинами. Запрещается вступать в брак дяде с племянницей, племяннику с теткой (по отцу, по матери, с женой дяди), в то время как двоюродные брат и сестра могут жениться. Наиболее важной присягой считается присяга дяди за племянника; к дяде же обращаются за разрешением молодому человеку вступить в братский союз „кардашлых“ и пр. и пр. Отголоском матриархата является также обычай, согласно которому невеста через несколько дней после переселения в дом мужа возвращается снова на некоторое время к своим родителям.

Похоронные обычаи.

Умирающего укладывают в комнате на постели, с лицом, обращенным к югу. Как только человек умрет, начинаются вопли и рыдания. Затем покойника выносят в отдельное помещение, где труп обмывают и заворачивают в саван из бязи. В рот, нос и уши вкладывают вату, навернутую на палочки, вату же кладут и под мышки. Если покойника не хоронят в тот же день, на грудь ему кладут камень и зеркало, обращенное к лицу покойника.

Гробов не употребляют. Покойника на носилках (табут), составленных из связанных вместе шестов, несут на кладбище. Покойника сопровождают на кладбище близкие и соседи, причем женщины также идут на кладбище; по дороге плачут и бьют себя в грудь. Впереди или позади покойника ведут его лошадь; если умерший—молодой человек, лошадь его увешивается яркого цвета материей (обыкновенно вешается на шею красная шаль), у седла вешается шашка и кинжал покойника. Если же умерший—старик, лошадь его бывает покрыта траурной черной материей. После погребения лошадь отводят обратно домой, и она остается в семье умершего, никому не дарится и продолжает нести свою службу¹.

На кладбище покойника кладут около могилы; при этом предварительно труп три раза опускают и поднимают, а затем уже кладут на землю. После молитвы муллы тело опускают в могилу. Покойник закрывается в могиле каменными плитами таким образом, чтобы он мог лежать под ними совершенно свободно. Поверх плит кладется слой сена, наподобие того, как выстилается крыша курдских жилищ. Таким образом, покойнику устраивается как-бы домик-землянка. На сено насыпается земля; сено кладется для того, чтобы земля не просыпалась между плитами на покойника. Под голову покойника кладется мягюр (печать) из кербельской глины (из священного города Кербелы), в подтверждение того, что умерший—мусульманин-шиит. Могилу засыпают землей. В это время мулла читает молитву и дает наставление покойнику, и все присутствующие отступают на несколько шагов. Когда мулла окончит свои наиздания, присутствующие под-

¹ С. Егизаров отмечает аналогичный обычай у курдов б. Эриванской губ.; он говорит: «Если покойник богач или ага, то впереди его трупа ведут еще несколько коней, оседланных и обвешенных оружием его» (см. Краткий этнографический очерк курдов Эриванской губернии, — «Записки Кавк. Отд. Русск. Геогр. О-ва», кн. XIII, в. 2, Тфл., 1891, стр. 54).

ходят к могиле и прикасаются руками к насыпанной на ней земле. По народному поверью, покойник в это время уже пришел в сознание и узнает, кто принимает участие в его погребении. На могиле или по бокам ее кладутся те жерди, на которых несли покойника: брать их домой грешно.

Затем участники похорон возвращаются в дом умершего. Здесь мулла читает молитву, а присутствующие произносят: „Аминь“.

При наступлении вечера домохозяин готовит масляный фитиль, зажигает и ставит в том месте дома, где обмывали покойника. Фитиль должен гореть с вечера до утра, чтобы покойник находился в свете, иначе в могиле будет темно. Так умершему доставляется свет. Кроме того, курды зажигают свечу на могиле умершего молодого человека или девицы, а также на могиле сеида (потомка Магомета) еженедельно в вечер под пятницу.

В вечер дня похорон поминок не бывает; в доме умершего даже не готовят пища, и обед для семьи умершего приносят соседи. Первые поминки („хейрат“) устраиваются на третий день после смерти. На поминки приходят по одному человеку от каждого двора со всего селения. Это т. н. „уч-гюллюк“. Через 7 дней после смерти устраиваются вторые поминки „едлик“, на которые приглашают человек 20—40. Через 40 дней после смерти третьи поминки — „кырхы“. Наконец, в годовщину смерти устраивается обед всему населению деревни; это — большие поминки „иллик хейрат“.

Поминки ложились бы непосильным бременем на семью, если бы на помощь не приходили родственники и знакомые. Обыкновенно к каждому поминкам состоятельные родственники, кирви и друзья доставляют в дом умершего по барану; соседи приносят продукты — масло, сыр, зерно и пр., а иногда и деньги.

До совершения годовых поминок семья покойного обыкновенно соблюдает траур, состоящий в воздержании от всяких увеселений и удовольствий, в запрещении всего, что говорит о радости жизни. Так, в течение целого года в семье умершего изгоняется все красное: не одевают красного платья, не красят шерсти, не красят лиц, не красят волосы хной и т. п. Кроме того, не жуют кеву (жвачку), не готовят жареное пшено — „каварга“ по-турецки, „брежак“ на наречии курманджи. В обычное время в курдских семьях это блюдо чуть-ли не обязательно готовится раз в неделю; в случае же смерти кого-либо, блюдо это перестают готовить не только в доме умершего, но и в

домах близких родственников; даже ближайшие соседи воздерживаются от приготовления этого блюда, а если и готовят, то скрытно, чтоб не звали в семье покойного.

Перед наступлением байрама соседи приносят хозяйке дома умершего хну и уговаривают ее, по случаю великого праздника, покрасить волосы. Раз хозяйка согласится и покрасит волосы, траур снимается, и жизнь входит в обычную колею. Новое платье умершего сохраняется в течение года, а в годовщину смерти отдается седлу или мулле, чтобы он молился об умершем.

На могиле умершего ставится или простой необделанный камень, или надгробный памятник, в виде небольшой обделанной каменной колонны, на которой пишется имя и фамилия умершего и время смерти. На памятниках курящих иногда изображается кальян. Памятник ставится через месяц-два, иногда через год после смерти, в зависимости от того, когда семья соберется со средствами. В прежнее время надгробным памятникам иногда придавали форму высеченного из камня барана или лошади. Такие памятники и теперь встречаются на многих курдских кладбищах. Так, на кладбище сел. Бозлу имеется один каменный баран и одна лошадь; на лошади обозначено седло и уздечка. На кладбище в сел. Давилу—каменная лошадь: на кладбище сел. Кара-Кишляг имеется несколько каменных коней и один баран. На левом боку лошадей изображены рельефной резьбой различные бытовые сцены. Подобного же рода бытовые сцены высечены и на некоторых надгробных плитах. Три каменных лошади с рельефными бытовыми сценами имеются также на кладбище сел. Сеидляр. Такие же памятники в форме каменных лошадей и баранов можно найти, конечно, и на других курдских кладбищах.

В память умершего курды, как и другие мусульмане, если имеют средства, делают что-либо общепольное: устранивают родники, строят мосты, а также занимаются благотворительностью—одевают бедняков, кормят детей, дают седлу несколько аршин материи.

Вдова выходит замуж обычно не раньше, как через год, причем чаще всего выходит за брата покойного мужа (левират), или за его родственника, во всяком случае за члена той же фамилии. Считается позором для семьи, если вдова выйдет замуж в другую фамилию. И это понятно: в свое время за женщину заплачен калым, семья потратилась на ее приобретение и теперь теряет свою собственность.

Магические воззрения и обычаи.

Не обладая, веледствие культурной отсталости, действительными средствами для борьбы с природой, курды и теперь еще часто обращаются к средствам и приемам, основанным на вере в магию. Отметим некоторые из таких приемов и обычаев.

Счет. Согласно магическим воззрениям, знание количества предметов дает власть над этими предметами. Отсюда существующее у многих пастушеских народов обыкновение не говорить количества своего скота, а также запрещение считать его. В Кизикии, напр., пастухи никогда не считают точно своих стад, из опасения, что это повредит им. Такой же взгляд наблюдается и у курдов: они опасаются считать свой рогатый скот, говоря, что, если считать, сосед узнает и сглазит, скотина будет болеть идохнуть. Точного числа своих домашних животных у курдов не принято говорить из опасения губительного действия завистливого глаза.

Обеспечение изобилия. У курдов существует, между прочим, такой обычай: если у одного сельчанина начала в первый раз доиться корова, а у соседа еще не доится, первый присылает соседу молоко первого удоя. Сосед, возвращая посуду, обязательно должен положить в нее немного соли или яйцо. Посылать пустую посуду нельзя; от этого у хозяина, который прислал первое молоко, в будущем году молока не будет, коровы не будут доиться. Не полагается также возвращать пустым котел, в котором „кум“ (крво) приносит плов мальчику, которого он обрезывал; в котел кладется или вместе с ним посылается что-либо ценное — материя, корова и пр. Здесь, помимо обычая отдаривания за подарки, играют роль также магические воззрения, согласно которым возвращение пустой посуды влечет за собой для хозяина посуды потерю благосостояния, вносит заразу „пустоты“ в хозяйство.

Ту же цель — сохранения благополучия и изобилия в хозяйстве — преследуют и обычаи, соблюдаемые при купле-продаже скотины. Когда продается корова, продавец и покупатель берут в руку горсть земли и, подавая руку с землей друг другу, говорят: „Аллах хер версин!“ („Бог даст тебе полезное!“). Лошадь продается обязательно с уздечкой и покрывалом („чул“); купленная без уздечки лошадь не пойдет в пользу купившему. Уздечку можно заменить веревкой.

Круг. Магическая сила круга признается, как известно, многими

народами. Так, ос[етин]ские знахари, чтобы не допустить в дом дьявола Уойг, причиняющего много неприятностей, советуют обвести вокруг дома круг шашкой или кивжалом. У других народов обводят круговой чертой селение, чтобы не впустить болезнь, и т. д. Курды также приписывают кругу огромную магическую силу. Если курду приходится почевать в уединенном незнакомом месте, он обводит вокруг себя черту, чтобы оградить себя от нападения злых сил. Если, кроме того, разложить кругом смолу, то черт, который вздумал бы напасть на человека, прилипнет и может быть пойман.

Вызывание дождя. Во время продолжительной засухи, чтобы вызвать дождь, женщины отправляются к роднику и обливают друг друга. Это обливание должно заставить небо поливать землю. Другой прием вызывания дождя у курдов: несколько женщин впрягаются в плуг, тащут его на речку и пашут воду. Магический прием, практикуемый, как известно, многими кавказскими народами: грузинами, армянами, азербайджанскими тюрками и др.

Под влиянием мусульманского духовенства эти народные магические приемы борьбы с засухой вытесняются приемами религиозными, в одинаковой мере бесполезными, но более убыточными для населения и выгодными для мулл. Во главе с муллою и сейдом, где таковой имеется, крестьяне выходят на избранное место для принесения умиловительной жертвы. Каждый берет по барану, режут их, едят и раздают бедным. Шкуры также раздают бедным, или мулле, сейду; взять домой шкуру зарезанного барана считается позорным.

Прекращение дождя. Для прекращения затянувшейся дождливой погоды прибегают к магическим приемам, напр., такого рода. Берут веревку, делают на ней 7 или 9 узлов, обозначая каждый именем лысого человека, и затем бросают веревку в огонь, говоря: „Я зажег лысых, пусть и солнце зажжет меня!“ Лысые блеском своих лысин должны заставить заблестать и солнце. К магической помощи лысых против дождливой погоды прибегают и другие народы Кавказа, напр., карачаевцы, а также русские во многих губерниях.

Другой прием, к которому прибегают курды во время продолжительных дождей и туманов, следующий. Собирается от 5 до 15 мальчиков, в возрасте 10—12 лет, и устраивают т. н. „кodu“, а именно: берут палку с утолщением на конце в виде головки и одевают ее в женское платье, делая, таким образом, куклу. С этой куклой мальчики обходят селение, заходя в каждый двор, причем поют песенку:

„Коду, коду!“ Хозяйки дарят их яйцами, сыром, зерновым хлебом и пр. После этой процессии дожди или туманы должны прекратиться. Хождение с куклой как во время засухи, так и во время продолжительных дождей, обычай, как известно, широко распространенный у многих народов.

Космогонические воззрения.

Солнце, по представлению курдов, является красивой женщиной, оттого оно поражает своим блеском. *Луна*—мужчина; поэтому у него более смуглое лицо, покрытое пятнами—следами оспы. По народной легенде, луна и солнце—молодой человек и девушка; он сватался, но она не хотела выходить за него замуж, и неудачливый жених сказал: „Обратись в такое существо, чтобы никто не мог до тебя добраться!“ Она обратилась в солнце, а жених в луну.

Затмение солнца и луны причиняется какими то существами; чтобы прогнать их, стреляют, бьют в медную посуду, вообще производят шум. Муллы внушили народу, что затмение солнца и луны есть наказание божье, почему в это время нужно молиться, совершать намаз.

Небо укреплено, как крыша, на столбах. Столбы находятся в ведении азрета Сулеймана, который может разрушить их. По истечении века вид неба меняется.

Млечный путь—путь в Мекку; разветвление его—путь в Медвну.

Звезды. Каждый человек имеет на небе свою звезду. Умирает человек,—звезда его падает с неба. Поэтому курдский крестьянин, видя падающую звезду, шепчет молитву за упокой души умершего.

Комета—вестник большого бедствия: войны, голода, болезней.

Радуга—„Фатьма аваны куршагы“—„пояс матери Фатьмы“. У курдов есть поверье, известное и другим народам, что если мужчина пройдет под радугой, то превратится в женщину; пройдет женщина, превратится в мужчину. Красная полоса в радуге сулит счастье и изобилие, желтая—ни особого худа, ни добра, темная—беду и несчастье. Поэтому дети, увидев радугу, кричат: „Красный мой!“

Дождь распределяет бог. Он приказывает азрету Сулейману послать дождь в такую то местность. Сулейман, как верховный повелитель животных и птиц, передает приказание распорядителю птиц *хумаю*; *хумаю* немедленно собирает всех птиц и повелевает им: наберите

в таком то океане или море воды, поднимитесь вверх и из клювов полейте такое то место. Птицы исполняют распоряжение своего владельца. Так как птицы разной величины, то и капли дождя бывают крупные и мелкие. Таким же порядком образуется град и снег, причем, для превращения водяных капель в лед или снежинки, птицы поднимаются высоко вверх, в холодные области.

Гром и молния. По небу скачет всадник с огненной плетью; гром—удары плети по лошади; молния—искры, которые сыпятся от плети. Если молния убивает человека, говорят, бог наказал его за грехи. Недавно молния убила одного из жителей Минкенда, и народ решил, что это—наказание за нарушение клятвы. Зажженный молнией дом нельзя тушить—это наказание божье. Убитую молнией скотину нельзя употреблять в пищу.

„Открытие неба“ и „сон природы“. В последнюю среду („ахыр чершембе“) перед Новруз-Байрамом вода в реках и ручьях останавливается, застывает без движения, вся природа засыпает, и небо открывается. Кто увидит это явление и успеет в этот момент высказать какое-либо пожелание, оно непременно исполнится.

Землетрясение. Земля покоится на спине красного быка. Бык время от времени дергает ушами, размахивает хвостом; от этого происходят землетрясения. Другие говорят: около быка летает муха; когда она подлетает к глазу, бык моргает, отчего и происходит землетрясение. Если муха когда-нибудь сядет быку на спину, бык тряхнет спиной, и весь мир погибнет.

Г. Чурсин.